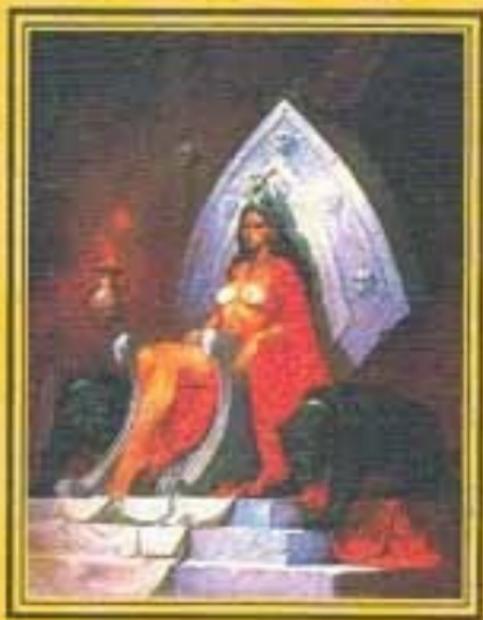

Роберт ГОВАРД

ВРАТА ИМПЕРИИ

Сага вольных городов

Роберт Ирвин Говард Врата империи

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155327

Роберт Говард. Врата империи: Северо-Запад; Минск; 1999

ISBN 5-7906-0079-4

Оригинал: RobertHoward, "Gates of Empire"

Перевод:

Кирилл Петрович Плешков

Роберт Говард

Врата империи

* * *

Пировавшие в подвале замка Годфри де Куртенэ не слышали ни бряцания оружия угрюмых часовых на башнях, ни порывов весеннего ветра. Также и наверху никто не слышал шума пирушки.

Трещавшая свеча освещала неровные стены, сырые и негостеприимные, вдоль которых стояли покрытые паутиной плетеные бутылки и бочки. Из одной бочки выбили затычку, и кожаные кружки в ослабевших от выпитого вина руках снова и снова погружались в пенистую глубину.

Агнесса, девушка-служанка, накануне украдала с пояса управляющего массивный железный ключ от подвала, и теперь, пользуясь отсутствием хозяина, там веселилась небольшая, но далеко не избранная компания.

Сидя на колене слуги Питера, Агнесса отбивала кружкой рваный ритм в такт непристойной песне, которую оба горланили каждый на свой лад. Эль переливался через край качающейся кружки, стекая за воротник Питера, чего тот не замечал.

Другая служанка, толстая Мардж, раскачивалась на ска-

мейке, хлопая себя по крутым широким бедрам и шумно комментируя пикантную историю, только что рассказанную Джайлсом Хобсоном. Судя по его манерам, он мог бы быть хозяином замка, а вовсе не бродягой-мошенником, мотавшимся по волнам житейского моря. Опершись спиной о бочку и положив ноги в сапогах на другую, он ослабил ремень, что стягивал его объемистое брюхо под поношенным кожаным камзолом, и вновь погрузил губы в пенящуюся кружку.

– Джайлс, клянусь бородой святого Витольда, – промолвила Мардж, – я еще никогда не слышала ничего подобного! Даже вороны, которые будут обглаживать твои кости на виселице, лопнут от смеха. За тебя – принца всех сквернословов и лжецов!

Она взмахнула громадной оловянной кружкой и осушила ее столь же решительно, как любой мужчина.

В этот момент появился еще один участник пирушки, который вернулся со свидания: в дверях наверху лестницы показался человек в обтягивающем бархатном костюме. На ногах он держался нетвердо. Через приоткрытую дверь донеслись звуки ночи – шелест портьер где-то в доме, шум ветра в ущельях, сердитый оклик часового на башне. Порыв ветра пронесся по лестнице, едва не погасив свечу.

Гильом, паж, закрыл дверь и, шатаясь, спустился по грубым каменным ступеням. Он не был столь пьян, как остальные, просто из-за юного возраста еще не привык к большим количествам подобных напитков.

– Который час, мальчик? – спросил Питер.

– Далеко за полночь, – ответил паж, неуверенно нашарившая открытую бутылку. – В замке все спят, кроме стражи. Однако я слышал стук копыт сквозь шум ветра и дождя; кажется, сэр Годфри возвращается.

– Пусть возвращается, будь он проклят! – закричал Джайлс, звучно шлепая Мардж по жирному заду. – Может быть, он и хозяин замка, но сейчас мы – хозяйева подвала! Еще эля! Агнесса, маленькая шлюха, еще песню!

– Да, еще эля! – шумно потребовала Мардж. – Брат нашей хозяйки, сэр Жискар де Шатильон, рассказывал невероятные истории про Святую Землю и неверных, но, клянусь святым Данстеном, вранье Джайлса затмевает правду рыцаря!

– Не клевети на... ик!.. святого человека, побывавшего... ик... в паломничестве и крестовом походе, – икнул Питер. – Сэр Жискар видел Иерусалим и сражался рядом с королем Палестины... сколько лет тому назад?

– Десять лет – десять лет прошло с того майского дня, когда он отправился в плавание к Святой Земле, – сказала Агнесса. – С тех пор леди Элеонора не видела его, пока вчера утром он не подъехал к воротам. Ее муж, сэр Годфри, вообще никогда его прежде не видел.

– И не знал его? – пробормотал Джайлс. – И сэр Жискар его не знал?

Он заморгал, проведя широкой ладонью по рыжим воло-

сам. Он даже не осознавал, насколько пьян. Мир вокруг него завертелся, словно волчок, и голова, казалось, заплясала на плечах. В парах эля и перебродившего спирта родилась сумасбродная идея.

Джайлс внезапно расхохотался и выпрямился, пролив содержимое кружки на колени Мардж, что вызвало град ругательств с ее стороны. Задыхаясь от смеха, он ударил ладонью по крышке бочки.

– Ты что, рехнулся? – взвизгнула Агнесса.

– Сейчас будет потеха! – Крыша затряслась от его бычьего рева. – Ну и потеха, клянусь святым Витольдом! Сэр Жискар не знает мужа своей сестры, а сэр Годфри сейчас у ворот. Слушайте!

Четыре неуверенно покачивавшиеся головы склонились к нему, словно грубые стены могли услышать его слова. Мгновение спустя тишина сменилась бурными взрывами хохота. Сейчас они готовы были последовать любой, самой безумной идее, которую бы им предложили. Лишь Гильома терзали смутные дурные предчувствия, но и его увлек пьяный пыл собутыльников.

– Чертовски будет весело! – воскликнула Мардж, пылко целуя Джайлса в багровую щеку. – Вперед, бродяги!

– Вперед! – проревел Джайлс, выхватывая меч и беспорядочно им размахивая, и пятеро, спотыкаясь и налетая друг на друга, устремились вверх по лестнице. Пинком распахнув дверь, они вбежали в широкий зал, завывая, словно стая

охотничьих псов.

Замки двенадцатого века, напоминавшие скорее крепости, чем просто жилища, строились для защиты, а не для комфорта.

Просторный зал с высоким потолком, по которому разносились крики пьяной компании, был устелен тростником и освещался лишь едва тлеющими углями в большом камине. Грубые, напоминавшие паруса портьеры вдоль стен колыхались на сквозняке. Спавшие под большим столом собаки проснулись от топота ног и разом залаяли, внося свой вклад во всеобщую суматоху.

Шум разбудил сэра Жискара де Шатильона. Во сне он видел иссушенные солнцем равнины Палестины и потому решил, что его окружили сарацинские разбойники. Он вскочил, хватаясь за меч, и тут только сообразил, где находится. Однако явно затевалось что-то недоброе. Из-за дверей доносились шум, лай и вопли, и на прочные дубовые панели обрушился град ударов – несомненно, кто-то намеревался вышибить дверь. Рыцарь услышал, как чей-то голос громко и настойчиво зовет его по имени.

Оттолкнув в сторону дрожащего от страха оруженосца, он подбежал к двери и распахнул ее настежь. Сэр Жискар был высок и сухопар, с большим ястребиным носом и холодными серыми глазами. Даже в ночной рубашке он выглядел весьма внушительно. Яростно моргая, он вглядывался в группу людей в противоположном конце зала. Только тусклое мерца-

ние углей освещало их. Среди них рыцарь увидел женщин, детей и какого-то толстяка с мечом.

– На помощь, сэра Жискара! – взревел толстяк. – На помощь! Замок в осаде, и все мы погибли! Разбойники из Хоршемского леса уже в зале!

Сэр Жискара услышал топот закованных в броню ног, который ни с чем невозможно было спутать, и увидел туманные очертания входящих в зал фигур. На их латах поблескивал красноватый свет тлеющих углей. Еще не до конца проснувшись, рыцарь кинулся в яростную атаку.

Сэр Годфри де Куртенэ, вернувшийся домой после многочасовой езды сквозь дождь и ветер, предвкушал лишь покой и уют собственного замка. Сорвав свое раздражение на сонных конюхах, которые едва переставляли ноги, он отпустил тяжело вооруженных всадников и направился в главную башню, в сопровождении оруженосцев и свиты. Не успел он войти в зал, как там начало твориться нечто неопишное: топот ног, грохот переворачиваемых скамеек, лай собак, резкие выкрики и чей-то торжествующий рев.

Изумленно ругаясь, он вбежал в зал во главе своих рыцарей, и тут на него накинулся воинственный маньяк, на котором не было ничего, кроме ночной рубашки. Маньяк размахивал мечом и завывал словно оборотень.

Яростные удары безумца высекли искры из шлема сэра Годфри, и хозяин замка едва не стал трупом еще до того, как успел вытащить меч. Он упал на спину, призывая на помощь

своих воинов. Однако безумец орал значительно громче, к тому же со всех сторон к ним устремились другие сумасшедшие в ночных рубашках, с воем нападая на ошеломленную свиту сэра Годфри.

В замке царила суматоха – вспыхивали огни, выли собаки, вопили женщины, ругались мужчины, и над всем этим раздавался лязг стали и топот закованных в латы ног.

Заговорщики, протрезвев при виде того, к чему привела их забава, разбежались в разные стороны, ища убежища – за исключением Джайлса Хобсона. Он был слишком пьян, а потому его не обеспокоила столь обыденная сцена. Какое-то время он любовался творением своих рук; затем, обнаружив, что клинки мелькают в опасной близости от его головы, отступил и, следуя некоему инстинкту, направился в укрытие, известное ему с давних времен. Там он с приятным удивлением обнаружил, что все это время сжимал в руке плетеную бутыль. Он опустошил ее. Вино, смешавшись с тем, что уже попало в его глотку ранее, неожиданно быстро повергло Джайлса в бесчувствие. Он свалился и спокойно захрапел под соломой, в то время как над ним и вокруг него стремительно разворачивались события.

Там, в соломе, и нашел его брат Амброз, когда этот безумный день начал уже клониться к закату. Пузатый румяный монах встряхнул нераскаявшегося грешника; и тот с трудом открыл подернутые туманом глаза.

– Святые угодники! – сказал Амброз. – Опять ты за свои

старые шуточки! Я так и думал, что найду тебя здесь. Тебя весь день ищут по всему замку; здесь, в конюшне, тоже искали. Хорошо, что ты спрятался в самой большой куче сена.

– Слишком большая честь для меня, – зевнул Джайлс. – Зачем им меня искать?

Монах воздел руки к небу в благочестивом ужасе.

– Да спасет меня святой Дионисий от Сатаны и дел его! Ты что, не помнишь, какую сумасбродную затею выдумал? Ты же натравил несчастного сэра Жискара на мужа его сестры!

– Святой Данстен! – простонал Джайлс, давясь сухим кашлем. – До чего же хочется пить! Кого-нибудь убили?

– Благодарение Господу, нет. Однако у многих разбиты макушки и поцарапаны ребра. Сэр Годфри едва не погиб при первой же атаке, ибо сэр Жискар отменно владеет мечом. Однако наш хозяин, будучи в полном вооружении, вскоре нанес сэру Жискару сильный удар по голове, отчего потекла кровь и сэр Жискар начал ругаться так, что страшно было слушать. Одному Богу известно, чем бы все закончилось, но леди Элеонора, разбуженная шумом, выбежала в одном белье в зал и, увидев сражающихся насмерть мужа и брата, встала между ними и обратилась к ним со словами, которые я не стану повторять. Воистину, страшен язык нашей хозяйки во гневе.

В конце концов понимание было достигнуто; сэру Жискару и всем пострадавшим оказали необходимую помощь. Сэр Жискар указал на тебя как одного из тех, кто колотил в

его дверь. Затем нашли прятавшегося Гильома, и он во всем признался, свалив главную вину на тебя. Ну и денек же был!

Несчастный Питер с утра сидит в колодках, и все слуги и крестьяне собрались вокруг, осыпая его насмешками и грязью, – они только что ушли, и он теперь представляет собой жалкое зрелище – с разбитым носом, ободранной рожей, заплывшим глазом и яичной скорлупой в волосах. Бедный Питер!

Что касается Агнессы, Мардж и Гильома, их выпороли так, что они запомнят это на всю жизнь. Трудно сказать, у кого из них больше болит задница. Но хозяева желают видеть тебя, Джайлс. Сэр Жискар клянется, что не успокоится, пока не лишит тебя жизни.

– Гм-м, – задумчиво пробормотал Джайлс. Он неуверенно поднялся, отряхнул солому с одежды, подтянул пояс и набекрень надел на голову шляпу.

Монах мрачно наблюдал за ним.

– Питер в колодках, Гильом выпорот, Мардж и Агнесса тоже – какое же наказание ожидает тебя?

– Думаю, я приму свою кару, добровольно отправившись в изгнание, – сказал Джайлс.

– Тебя не выпустят за ворота, – предупредил Амброс.

– Верно, – вздохнул Джайлс. – Монах может пройти свободно, в то время как честного человека останавливают из-за подозрений и предрассудков. Что ж, придется понести еще одно наказание. Одолжи мне твою мантию.

– Мою мантию? – воскликнул монах. – Да ты с ума сошел...

Тяжелый кулак врезался в пухлый подбородок, и монах с тихим вздохом осел на землю.

Несколько минут спустя скучающий стражник, забавлявшийся тем, что целился тухлым яйцом в неряшливую фигуру в колодках, увидел, как из конюшни появился человек в мантии и капюшоне и медленно двинулся через открытое пространство. Плечи его были устало опущены, голова склонена; лицо его было скрыто капюшоном.

Стражник поправил поношенный шлем и неуклюже шагнул к монаху.

– Да пребудет с тобой Господь, брат, – сказал он.

– *Rax vobiscum*, сын мой, – донесся тихий приглушенный ответ из глубины капюшона.

Стражник сочувственно покачал головой, глядя вслед монаху, направлявшемуся к боковым воротам.

– Бедный брат Амброз, – пробормотал стражник. – Он слишком близко к сердцу принимает грехи мира, сгибаясь под грузом тяжких преступлений человечества.

Он вздохнул и снова прицелился в угрюмую физиономию над колодками.

* * *

По голубой глади Средиземного моря тяжело двигалась

торговая галера, неуклюжая и широкая. Квадратный парус безвольно свисал с единственной толстой мачты. Гребцы, сидевшие на скамьях по обеим сторонам средней палубы, налегали на длинные весла, словно машины, одновременно наклоняясь вперед и откидываясь назад. Из глубины корпуса доносился шум голосов, жалобные крики животных и запах конюшни и хлева. На юге подобно расплавленному сапфиру простиралась голубая вода. На севере однообразную картину нарушал возвышавшийся впереди остров, белые скалы которого были увенчаны темной зеленью. Вокруг царили достоинство, чистота и безмятежность, если не считать воючей неуклюжей лохани. Переваливаясь с борта на борт, она тащилась по пенящейся воде, издавая звуки и запахи, кои свидетельствовали о присутствии здесь человека.

Внизу пассажиры средней палубы, усевшись среди своих узлов, готовили пищу на небольших жаровнях. Дым смешивался с запахами пота и чеснока. Слышалось ржание несчастных лошадей, зажатых в узком пространстве. Овцы, свиньи и куры добавляли к здешним запахам свой аромат.

Вскоре к бормотанию множества голосов под палубой добавились новые – членов экипажа и более состоятельных пассажиров, имевших места в каютах. Затем послышался голос самого капитана, резкий и раздраженный. Ему ответили – громко и хрипло, с акцентом.

Капитан-венец, пробираясь среди тюков с товаром, обнаружил на борту безбилетного, к тому же пьяного пасса-

жира – толстого рыжеволосого человека в поношенной кожаной одежде. Он храпел меж бочек и, наверное, храпел бы еще очень долго, если б не возмущенный вопль капитана.

Последовала пылкая тирада на итальянском языке, смысл которой в конце концов свелся к требованию, чтобы чужак заплатил за свой проезд.

– Заплатить? – эхом отозвался незнакомец, проводя толстыми пальцами по нечесаным волосам. – Чем мне заплатить? Где я? Что это за корабль? Куда мы плывем?

– Это "Сан-Стефано", и он идет на Кипр из Палермо.

– Ах да, – пробормотал безбилетник. – Помню. Я поднялся на борт в Палермо... и прилег возле винной бочки между...

Капитан поспешно осмотрел бочку и с утроенной яростью завопил:

– Собака! Ты всю ее выпил!

– Как давно мы в море? – зевнув, невозмутимо спросил незнакомец.

– Достаточно долго, чтобы оказаться вдали от берега, – проворчал капитан. – Ах ты свинья, как ты мог проваляться пьяным все это время...

– Неудивительно, что в брюхе у меня пусто, – вздохнул чужак. – Я лежал среди тюков, а когда проснулся, пил, пока не заснул снова. Хм-м!

– Деньги! – потребовал итальянец. – Плати золотом за проезд!

– Золотом! – фыркнул в ответ незнакомец. – У меня и медяка нет.

– Тогда отправись за борт, – мрачно пообещал капитан. – Для нищих на "Сан-Стефано" нет места.

Чужак воинственно засопел и схватился за меч.

– Выбросить меня за борт? Тому не бывать пока Джайлс Хобсон в состоянии держать оружие! Свободнорожденный англичанин ничем не хуже любого итальянца в бархатных штанах. Зови своих забияк и увидишь, как я пушу им кровь!

С палубы донесся громкий испуганный крик:

– Впереди по правому борту галеры! Сарацины!

Капитан взвыл, и лицо его приобрело пепельный оттенок.

Тут же забыв о своем споре с безбилетником, он развернулся и кинулся на верхнюю палубу. Джайлс Хобсон последовал за ним, по пути обозревая встревоженные коричневые лица гребцов и перепуганные физиономии пассажиров – латинских священников, торговцев и паломников. Проследив за их взглядом, он увидел три длинные низкие галеры, которые стремительно мчались к ним по голубой глади. Люди на "Сан-Стефано" уже слышали звон цимбал и видели развевавшиеся на верхушках мачт флаги. Весла погружались в голубую воду и поднимались над ней, блестя серебром.

– Развернуть корабль к острову! – закричал капитан. – Если сумеем добраться до него, то сможем укрыться и спасти свои жизни. Корабль потерян, и весь груз тоже! Святые угодники, спасите меня! – Он со стоном воздел руки к небу – не

столько от страха, сколько от жадности.

"Сан-Стефано" неуклюже накренился и вперевалку двинулся в сторону освещенных солнцем белых скал. Стройные галеры нагоняли его, мчась по волнам подобно водяным змеям. Пространство между "Сан-Стефано" и скалами сокращалось, но значительно быстрее сокращалось пространство между ним и преследователями. В воздух начали взмывать стрелы, со стуком падая на палубу. Одна из них вонзилась рядом с сапогом Джайлса Хобсона, и он отдернул ногу, словно от ядовитого паука. Толстый англичанин вытер пот со лба. Во рту у него пересохло, в голове стучало, в животе все переверачивалось. Внезапно он ощутил жестокий приступ морской болезни.

Гребцы изо всех сил навалились на весла, тяжело дыша, казалось, почти выдергивая неуклюжий корабль из воды. Стрелы плотным дождем осыпали палубу. Кто-то взвыл; другой без слов осел рядом. Один из гребцов дернулся, когда в его плечо попала стрела, и выпустил весло. Охваченные паникой гребцы стали сбиваться с ритма. "Сан-Стефано" потерял скорость и начал раскачиваться еще сильнее; слышались крики пассажиров. Со стороны преследователей доносились торжествующие вопли. Они разделились, намереваясь взять в клещи обреченную галеру.

На палубе торговцев священники принялись отпускать грехи.

– Да хранят меня святые угодники... – выдохнул ху-

дой пизанец, опускаясь на колени на палубе. Внезапно он вскрикнул, схватился за оперенное древко вонзившейся в его грудь стрелы, опрокинулся набок и замер.

В борт, через который перегибался Джайлс Хобсон, воткнулась стрела, задрожав возле его локтя. Он не обратил на нее никакого внимания. Чья-то рука легла ему на плечо. Задыхаясь, он повернулся и поднял позеленевшее лицо. Прямо в глаза ему обеспокоенно смотрел священник.

– Сын мой, возможно, это наш смертный час; исповедайся в своих грехах, и я отпущу их тебе.

– Я знаю за собой один-единственный грех, – с несчастным видом простонал Джайлс. – Я ударил монаха и похитил его мантию, чтобы бежать в ней из Англии.

– Увы, сын мой... – начал священник, затем с тихим стоном опустился на палубу. Из темного расплывающегося пятна на его боку торчала сарацинская стрела.

Джайлс огляделся по сторонам. Вдоль обоих бортов "Сан-Стефано" скользили длинные стройные галеры. Пока он смотрел на них, третья галера, находившаяся в середине треугольника, с оглушительным треском протаранила торговый корабль. Стальной нос пробил фальшборт, разнеся в щепки кормовую надстройку. Удар сбил людей с ног. Некоторые, раздавленные во время столкновения, с воем умирали страшной смертью.

Стальные носы двух других галер врубилась в скамьи, на которых сидели гребцы, выбивая из их рук весла и ломая

ребра.

В борта впились абордажные крючья, и на палубу хлынули смуглые обнаженные люди с горящими глазами и с саблями в руках. Их встретили отчаянно отбивавшиеся остатки ошеломленных пассажиров и команды.

Джайлс Хобсон нашарил свой меч и, пошатываясь, шагнул вперед. Перед ним мелькнула темная фигура. Он увидел пылающие глаза противника и услышал свист кривого клинка. Джайлс отразил удар своим мечом, едва при этом не упав. Затем он широко расставил ноги и вогнал меч пирату в брюхо. Кровь и внутренности хлынули на палубу; в агонии умирающий корсар увлек за собой своего убийцу.

Обутые и босые ноги топтали пытавшегося подняться Джайлса Хобсона. Кривой клинок, зацепив кожаную куртку, распорол ее от края до воротника. Наконец он встал, сбросив с себя лохмотья. Смуглая рука вцепилась в его порванную рубашку, над головой взлетела дубинка. Отчаянно рванувшись, Джайлс отскочил назад, оставив обрывки рубашки в руке противника. Дубинка опустилась и стукнулась о палубу; ее обладатель, не удержавшись, рухнул на колени. Джайлс побежал по залитой кровью палубе, приседая и уворачиваясь от клинков и кулаков.

Несколько оборонявшихся толпились в дверях на полубаке. Остальная часть галеры находилась в руках торжествующих сарацин – они толпой рванули на нижние палубы. Понеслись жалобные вопли животных, которым перереза-

ли горло, и крики женщин и детей, которых вытаскивали из укрытий среди груза.

В дверях полубака оставшиеся в живых отбивались зазубренными мечами от окруживших их пиратов. Те с издевательскими воплями то отступали, то вновь наседали, выставив вперед пики.

Джайлс бросился к борту – он намеревался прыгнуть в воду и поплыть к острову. В этот момент он услышал за спиной быстрые шаги и резко развернулся, уклоняясь от сабли в руке коренастого человека среднего роста, в сверкающих посеребренных доспехах и украшенном гравировкой шлеме с перьями цапли.

Пот заливал глаза толстого англичанина; ему не хватало дыхания, живот выворачивало наизнанку, ноги дрожали. Мусульманин замахнулся, метя в голову. Джайлс отбил удар. Клинок его с лязгом ударился о кольчугу предводителя разбойников.

Внезапно висок Джайлса обожгло, словно раскаленным железом, и поток крови ослепил его. Выронив меч, он кинулся головой вперед на противника, повалив его на палубу. Мусульманин извивался и ругался, но толстые руки Джайлса изо всех сил сжимали его.

Внезапно раздался дикий крик, послышался топот множества ног по палубе. Сарацины начали прыгать за борт, отцепляя абордажные крючья. Пленник Джайлса что-то хрипло прокричал, и к нему через палубу бросились другие. Джайлс

отпустил его, пробежал словно кот вдоль фальшборта и вскарабкался на крышу разбитой кормовой надстройки. Никто не обращал на него внимания. Обнаженные люди в фесках подняли закованного в латы предводителя на ноги и поволокли его через палубу, в то время как тот яростно ругался и брыкался, явно желая продолжить схватку. Сарацины попрыгали в свои галеры и начали грести прочь. Джайлс, присевший на крыше разрушенной надстройки, наконец увидел причину их поспешного бегства.

Из-за западной оконечности острова, до которого они пытались добраться, вышла эскадра больших красных кораблей. На носу и корме их возвышались орудийные башни; на солнце блестели шлемы и наконечники копий; слышался громкий звук труб и грохот барабанов; на верхушке каждой мачты развевался длинный флаг с эмблемой Креста.

Из уст оставшихся в живых пассажиров и матросов "Сан-Стефано" вырвался радостный крик. Галеры быстро уходили на юг. Ближайший корабль-спаситель тяжело подошел к борту; стали видны смуглые лица под стальными шлемами.

– Эй, на судне! – прозвучала суровая команда. – Вы тонете; будьте готовы перейти к нам на борт.

Услышав этот голос, Джайлс Хобсон вздрогнул и устался на орудийную башню, возвышавшуюся над "Сан-Стефано". Голова в шлеме наклонилась над фальшбортом, взгляд холодных серых глаз встретился с его взглядом. Он увидел большой нос и шрам, пересекавший лицо от уха до края че-

люсти.

Оба тут же узнали друг друга. Прошедшее время не при-
тупило негодования сэра Жискара де Шатильона.

– Вот как! – достиг ушей Джайлса Хобсона его кровожад-
ный вопль. – Наконец-то я нашел тебя, негодяй...

Джайлс развернулся, сбросил сапоги и подбежал к краю
крыши. Сильно оттолкнувшись, он с чудовищным шумом
врезался в голубую воду. Голова его вынырнула на поверх-
ность, и он быстрыми взмахами поплыл к далеким скалам.

С корабля послышался удивленный ропот, но сэр Жискара
лишь мрачно улыбнулся.

– Поддай мне лук, – приказал он оруженосцу.

Он вложил в лук стрелу и подождал, когда голова Джайлса
снова появится среди волн. Зазвенела тетива; стрела сереб-
ристым лучом сверкнула на солнце. Джайлс Хобсон вскинул
руки и исчез. Сэр Жискара больше его не видел, но рыцари
некоторое время еще наблюдали за водой.

* * *

К Шавару, визирю Египта, в его дворце в эль-Фустате,
пришел евнух в ярких одеждах и униженным тоном – как и
подобало обращаться к самому могущественному человеку
калифата – объявил:

– Эмир Асад эд-дин Ширкух, повелитель Эмесы и Раббы,
генерал армии Нур-эд-дина, султан Дамаска, вернулся с ко-

раблей эль-Гази с назарейнским пленником и желает аудиенции.

Визирь молча кивнул в знак согласия, но его тонкие бледные пальцы, лежавшие на украшенном драгоценными камнями белом поясе, судорожно дернулись, что было явным признаком душевного волнения.

Шавар был красивым стройным арабом, с присущими его народу пронизательными темными глазами. Шелковые одежды и украшенный жемчугом тюрбан сидели на нем как влитые.

Эмир Ширкух ворвался подобно буре, шумно приветствуя его голосом, более подходящим для военного лагеря, чем для дворцовых палат. Его халат из муарового шелка искусные руки швеи вышили золотой нитью, но коренастой фигуре эмира больше подходили военные доспехи, чем мирные одежды. Это был крепко сложенный человек среднего роста, с лицом смуглым и суровым. Возраст не пригасил беспокойного огня в его темных глазах.

С ним пришел человек – рыжеволосый, краснолицый и толстый. Шавар не смотрел на него, однако успел заметить, что их национальные объемистые шаровары, шелковый халат и туфли с загнутыми носками выглядели на нем весьма нелепо.

– Надеюсь, Аллах даровал тебе в море удачу? – вежливо осведомился визирь.

– В некотором роде, – согласился Ширкух, опускаясь на

подушки. – Одному Аллаху известно, сколь долгов был наш путь, и сначала мне казалось, что все мои внутренности вернуться наизнанку – ибо корабль наш раскачивался на волнах, словно хромо́й верблюд на сухом песке. Но затем Аллаху было угодно, чтобы болезнь миновала.

Мы потопили несколько жалких галер с паломниками, отправив в преисподнюю немало неверных, однако добыча оказалась мизерной. Но, визирь, посмотри – ты когда-нибудь видел кяфира, похожего на этого человека?

Визирь внимательно поглядел на незнакомца; в ответ тот простодушно вылупил на него свои большие голубые глаза.

– Я встречал таких среди франков в Иерусалиме, – решил Шавар.

Ширкух что-то проворчал и начал без особых церемоний жевать виноград, бросив гроздь своему пленнику.

– Возле одного острова мы заметили галеру, – сказал он, продолжая жевать, – напали на нее и вступили в бой с ее командой. Большинство из них оказались плохими воинами, но этому человеку удалось пробиться к борту, и он прыгнул бы в воду, если бы я его не перехватил. Аллах, он оказался силен как бык! У меня до сих пор болят ребра от его объятий.

В самой середине схватки нас окружил отряд кораблей с христианскими воинами. Они направлялись – как мы позднее узнали – в Аскалон. Просто франкские авантюристы, искавшие счастья в Палестине. Мы поспешно отступили на

наши галеры. Оглянувшись, я увидел, как мой противник прыгнул за борт и поплыл к скалам. Какой-то рыцарь с назарейанского корабля выпустил в него стрелу, и он, как мне показалось, утонул.

Наши бочки с водой были почти пусты. Как только франкские корабли скрылись за горизонтом, мы вернулись к острову за пресной водой. И там мы нашли на берегу лежавшего без сознания толстого рыжеволосого человека, в котором я узнал своего недавнего противника. Стрела не попала в него; он глубоко нырнул и далеко проплыл под водой. Но он потерял много крови из раны на голове – это я задел его своей саблей, – и был близок к смерти.

Поскольку он оказался хорошим бойцом, я отнес его в свою каюту и привел его в чувство, и в последующие дни он научился говорить на языке, на котором мы, последователи ислама, общаемся с проклятыми назарейанами. Он рассказал мне, что он внебрачный сын короля Англии и что враги прогнали его со двора отца и теперь преследуют по всему свету. Он поклялся, что король, его отец, готов заплатить за него немалый выкуп, так что дарю его тебе. С меня хватит удовольствия от того плавания. Ты же получишь выкуп, когда малик Англии узнает о своем сыне. Он веселый собеседник, он может рассказать историю, выпить бутылочку и спеть песню не хуже любого из тех, кого я когда-либо знал.

Шавар снова с интересом взглянул на Джайлса Хобсона. В его румяной физиономии он не в силах был обнаружить

каких-либо следов королевского происхождения, однако для араба краснолицые, веснушчатые и рыжеволосые люди Запада были все на одно лицо.

Он снова перевел взгляд на Ширкуха. Эмир значил для него куда больше, чем любой бродяга-франк, пусть даже королевского происхождения. Старый вояка, не соблюдая никаких приличий, напевал себе под нос курдскую военную песню, потягивая из бокала ширазское вино – шиитские правители Египта так же не придерживались строгих моральных принципов, как и их последователи-мамелюки.

Внешне казалось, что Ширкуха не интересует ничто в мире, кроме утоления жажды, но Шавар размышлял о том, какая хитрость может таиться под этим обманчивым поведением. Будь это другой человек, Шавар счел бы жизнерадостность эмира признаком низкого интеллекта. Однако курд, правая рука Нур-эд-дина, был далеко не глуп. Не ввязался ли Ширкух в эту сумасбродную гонку с корсарами эль-Гази лишь из-за того, что его неутомимая энергия не давала ему покоя, даже во время визита ко двору калифа? Или же его путешествие имело какой-то более глубокий смысл? Шавар всегда искал скрытые мотивы, даже в самых обыденных вещах. Он добился своего нынешнего положения, исключив даже самую возможность каких-либо интриг. Тем не менее этой ранней весной 1167 года от Рождества Христова суждено было произойти многим событиям.

Шавар подумал о костях Дирхама, гниющих в канаве воз-

ле часовни Ситта Нефиса, и, улыбнувшись, сказал:

– Тысяча благодарностей за твою щедрость, друг мой. В ответ на нее в твои палаты доставят яشمовый кубок, полный жемчуга. Пусть этот обмен дарами символизирует нашу вечную дружбу.

– Да наполнит Аллах золотом твои уста, о повелитель, – вставая, произнес Ширкух. – Пойду, выпью вина со своими офицерами и расскажу им сказки о моих путешествиях. Завтра я еду в Дамаск. Да пребудет с тобою Аллах!

– И с тобою, друг мой.

После того как быстрые шаги курда затихли вдали, Шавар жестом предложил Джайлсу сесть рядом с ним на подушки.

– Как насчет твоего выкупа? – спросил он на норманно-французском, который выучил, общаясь с крестоносцами.

– Король, мой отец, заполнит этот зал золотом, – быстро ответил Джайлс. – Враги сообщили ему, что я погиб. Велика будет радость старика, когда он узнает правду.

С этими словами Джайлс взял бокал с вином и начал фантазировать дальше, стараясь создать впечатление достаточно ценного экземпляра, чтобы не быть убитым. Затем... Но Джайлс жил сегодняшним днем, мало думая о том, что будет завтра.

Шавар наблюдал за ним, глядя, как содержимое бокала быстро исчезает в глотке пленника.

– Ты пьешь, словно французский барон, – заметил араб.

– Я принц всех пьяниц, – скромно ответил Джайлс, и в словах его на этот раз было больше правды, чем во всех прежних.

– Ширкух тоже любит выпить, – продолжал визирь. – Ты пил с ним?

– Немного. Он не такой пьяница, как я, но несколько фляг мы вместе с ним осушили. Вино слегка развязывает ему язык.

Шавар резко поднял голову. Это было для него новостью.

– Он говорил? О чем?

– О своих стремлениях.

– И каковы же они? – Шавар затаил дыхание.

– Стать калифом Египта, – ответил Джайлс, по привычке преувеличивая действительные слова курда. Ширкух говорил много, хотя и довольно бессвязно.

– Он что-нибудь говорил про меня? – спросил визирь.

– Он сказал, что ты у него в руках, – ответил Джайлс, и это, как ни удивительно, было правдой.

Шавар замолчал. Где-то во дворце звякнула лютня, и чернокожая девушка затянула странную тоскливую южную песню. Слышался серебристый плеск фонтанов и хлопанье голубиных крыльев.

– Если я пошлю гонцов в Иерусалим, его шпионы расскажут ему об этом, – пробормотал Шавар.

– Если я убью его или посажу за решетку, Нур-эд-дин сочтет это поводом к войне.

Он поднял голову и уставился на Джайлса Хобсона.

– Ты называешь себя королем пьяниц; сможешь превзойти в своем умении эмира Ширкуха?

– Во дворце короля, моего отца, – ответил Джайлс, – за одну ночь я перепил пятьдесят баронов, самый слабый из которых умел выпить в пять раз больше, чем Ширкух, – и все они валялись без чувств под столом.

– Хочешь получить свободу без выкупа?

– Конечно, клянусь святым Витольдом!

– Ты вряд ли хорошо разбираешься в восточной политике, будучи впервые в этих краях. Однако Египет – краеугольный камень империи. Его домогаются Амальрик, король Иерусалима, и Нур-эд-дин, султан Дамаска. Ибн-Руззик, а после него Дирхам, а после него я вели игру друг против друга. С помощью Ширкуха я победил Дирхама; с помощью Амальрика я прогнал Ширкуха. Это рискованная игра, ибо я никому не могу доверять.

Нур-эд-дин осторожен. Ширкух – человек, которого следует опасаться. Думаю, он явился ко мне с предложением дружбы, чтобы усыпить мою бдительность. Возможно, уже сейчас его армия движется на Египет.

Если он похвалялся перед тобой своим могуществом, это верный знак того, что он уверен в успехе своих планов. Мне необходимо сделать его беспомощным на несколько часов, однако я не посмею причинить ему вред, не зная наверняка, движутся ли уже сюда его войска. Поэтому это будет твоей

задачей.

Джайлс все понял, и широкая улыбка озарила его румяное лицо; он многозначительно облизнул губы.

Шавар хлопнул в ладоши и отдал соответствующие распоряжения. Вскоре вошел Ширкух, неся перед собой опоясанное шелковым кушаком брюхо, словно индийский император.

– Наш высокочтимый гость, – промурлыкал Шавар, – рассказал мне о своей доблести за кубком вина. Можем ли мы позволить кяфиру вернуться домой и похвалиться потом перед своим народом, что он превзошел правоверного? Кто лучше сумеет усмирить его гордыню, нежели Горный Лев?

– Состязание в пьянстве? – Ширкух шумно расхохотался. – Клянусь бородой Магомета, мне это нравится! Давай, Джайлс ибн малик, наливай!

В зал вошла процессия рабов, держащих золотые сосуды с пенящимся нектаром.

...За время своего плена на галере эль-Гази Джайлс привык к крепкому восточному вину. И все же кровь кипела у него в жилах, в голове шумело, а зал, казалось, качался и вращался, когда наконец Ширкух, голос которого затих на середине бессвязной песни, завалился набок на подушки, выронив золотой кубок.

Шавар тут же вскочил на ноги и хлопнул в ладоши. Вошли рабы-суданцы – обнаженные гиганты в шелковых набедренных повязках и с золотыми серьгами в ушах.

– Отнесите его в нишу и положите на диван, – приказал он. – Лорд Джайлс, ты в состоянии ехать верхом?

Джайлс поднялся, покачиваясь, словно корабль в бурном море.

– Буду держаться за гриву, – икнул он. – Но зачем мне ехать верхом?

– Чтобы передать мое сообщение Амальрику, – бросил Шавар. – Вот оно, запечатанное в шелковый пакет; в нем говорится, что Ширкух намеревается завоевать Египет, и предлагается плата в обмен на помощь. Мне Амальрик не доверяет, но он выслушает человека королевской крови, принадлежащего к его собственному народу. Ты расскажешь ему о хвастовстве Ширкуха.

– Ага, – пьяно пробормотал Джайлс, – королевской крови; мой дедушка служил конюхом на королевской конюшне.

– Что ты сказал? – переспросил Шавар, не поняв, затем продолжил, прежде чем Джайлс успел ответить. – Ширкух проваляется без чувств несколько часов. Пока он здесь, ты уже будешь на пути в Палестину. Он не поедет завтра в Дамаск, ибо ему будет плохо с перепоя. Я не посмел бы заключить его под стражу или даже отравить его вином. Я ничего не могу предпринять, пока не достигну соглашения с Амальриком. Пока что Ширкух безопасен, и ты доберешься до Амальрика раньше, чем он доберется до Нур-эд-дина. Поторопись!

Со двора за стеной доносился звон упряжи и нетерпеливое топтание лошадей. Послышался неясный шепот, затем удаляющиеся шаги. Оставшись один, Ширкух неожиданно сел. Он изо всех сил потряс головой, несколько раз проведя по ней рукой, словно пытался счистить налипшую паутину. Шатаясь, он поднялся, хватаясь за портьеру. На его бородастом лице сияла ликующая улыбка.

Спотыкаясь, Ширкух добрался до забранного золотой решеткой окна. Тонкие золотые стержни согнулись под его могучими руками. Он кувырком вывалился наружу, приземлившись головой вниз посреди большого розового куста. Не обращая внимания на царапины и ссадины, эмир поднялся, раскачиваясь словно корабль на волнах, и огляделся по сторонам. Он находился в большом саду; вокруг него покачивались огромные белые цветы, и ветерок шевелил листья пальм. На небе всходила луна.

Никто не остановил его, когда он перебрался через стену, когда, шатаясь, побрел по пустынным улицам, хотя притаившиеся в тени воры жадно смотрели на его богатую одежду.

Окольными путями он дошел до собственного жилища и пинками разбудил рабов.

– Коней, да проклянет вас Аллах! – Голос его срывался от с трудом скрываемого торжества.

Из тени появился Али, его главный конюх.

– Куда теперь, хозяин?

– В пустыню и дальше в Сирию! – прорычал Ширкух, с силой ударяя его по спине. – Шавар проглотил наживку! Аллах, как же я пьян! Весь мир кружится – но он принадлежит мне!

Этот ублюдок, Джайлс, скачет сейчас к Амальрику – я слышал, как Шавар давал ему распоряжения, когда я лежал, притворившись спящим. Мы направили визиря по ложному пути! Теперь Нур-эд-дин не станет колебаться, когда его шпионы принесут ему новость из Иерусалима о наступающей армии! Я превратил двор калифа в растревоженный улей, разрушил все его планы! Да, когда я отправился немного проветриться с корсарами на галере, Аллах ниспослал мне прямо в руки этого рыжего тупицу! Я наговорил ему с три короба, якобы спяну. Я надеялся, что он перескажет все это Шавару, что Шавар испугается и пошлет к Амальрику – и вынудит чересчур осторожного султана действовать. Теперь начнется война ради удовлетворения чьего-то тщеславия. Но поедем же, дьявол вас побори!

Несколько минут спустя эмир и его небольшая свита ехали по тенистым улицам, мимо спящих садов и шестиэтажных дворцов из розового мрамора, лазурита и золота.

Стражник, стоявший возле маленьких уединенных ворот, громко крикнул и поднял пику.

– Собака! – Ширкух поднял лошадь на дыбы и навис над

стражником, словно облаченное в шелк смертоносное облако. – Я Ширкух, гость твоего хозяина!

– Но мне приказано никого не пропускать без письменного распоряжения, с подписью и печатью визиря, – возразил солдат. – Что я скажу Шавару?

– Ты ничего не скажешь, – пророчески произнес Ширкух. – Мертвые не разговаривают.

Его сабля сверкнула и опустилась, и солдат осел на землю, с разрубленными шлемом и головой.

– Открывай ворота, Али, – рассмеялся Ширкух. – Сегодня ночью правит Судьба – Судьба и Предназначение!

В облаке освещенной лунным светом пыли они вырвались за ворота и помчались по равнине. На каменистом отроге Мукаттама Ширкух придержал лошадь, оглядываясь на город, который лежал в лунных лучах словно призрак мечты; здесь смешивались кирпич, камень и мрамор, роскошь и нищета, великолепие и убожество. На юге сверкал под луной купол Имама Эш-Шафи; на севере возвышался гигантский замок Эль-Кахира, черные стены коего отчетливо вырисовывались в белом сиянии луны. Между ними лежали остатки и руины трех столиц Египта; дворцы, на которых еще не высохла известь, стояли рядом с обрушившимися стенами, населенными лишь летучими мышами.

Ширкух рассмеялся и издал торжествующий радостный крик. Его лошадь встала на дыбы, а сабля сверкнула в воздухе.

– О, невеста в золотом одеянии! Жди моего возвращения, Египет, ибо, когда я вернусь, я вернусь вместе с воинами и всадниками, чтобы заключить тебя в свои объятия!

* * *

Аллаху было угодно, чтобы Амальрик, король Иерусалима, находился в Даруме, лично наблюдая за укреплением этой маленькой заставы в пустыне, когда в ворота въехали посланники из Египта. Амальрик был осторожным и подозрительным королем, рожденным для войн и интриг.

В зале замка египетские эмиссары приветствовали его, сгибаясь до полу. Джайлс Хобсон, выглядевший довольно смешно в пыльном шелковом халате и белом тюрбане, неуклюже протянул ему запечатанный пакет от Шавара.

Амальрик вскрыл его и прочитал, рассеянно меряя шагами зал, словно золотогривый лев, величественный и вместе с тем опасный.

– Что это за незаконнорожденный сын короля? – внезапно спросил он, уставившись на Джайлса, который ничуть не смутился.

– Всего лишь небольшая ложь, ваше величество, – признался англичанин, уверенный, что египтяне не понимают норманно-французского. – Я вовсе не незаконнорожденный; я законный младший сын шотландского барона.

Джайлсу вовсе не хотелось, чтобы его пинком отправили

на кухню вместе с остальными слугами, и он предпочел придерживаться легенды о знатном происхождении, разумно полагая, что король Иерусалима не слишком знаком с благородными семействами Шотландии.

– Я встречал немало людей, у которых не было доспехов, боевого клича и богатства, но от того не менее достойных, – сказал Амальрик. – Ты не останешься без награды. Мессир Джайлс, ты знаешь, насколько важно это сообщение?

– Визирь Шавар кое-что говорил мне об этом, – признался Джайлс.

– Судьба Средиземноморья висит на волоске, – сказал Амальрик. – Если один правитель завладеет и Египтом, и Сирией, мы окажемся зажатыми в тисках. Пусть лучше Шавар правит Египтом, чем Нур-эд-дин. Мы отправляемся в Каир. Пойдешь с нами?

– По правде говоря, милорд, – начал Джайлс, – я крайне устал...

– Верно, – прервал его Амальрик. – Лучше будет, если ты поедешь в Акру и отдохнешь от своих странствий. Я дам тебе письмо к лорду. Сэр Жискар де Шатильон даст тебе все, о чем ты попросишь...

Джайлс вздрогнул.

– Нет, милорд, – поспешно сказал он. – Что значат уставшие ноги и пустое брюхо по сравнению с долгом? Разреши мне поехать с тобой и исполнить свой долг в Египте!

– Мне нравится твой настрой, мессир Джайлс, – сказал

Амальрик, одобрительно улыбаясь. – Если бы все чужеземцы, ищущие приключений, были подобны тебе...

– Если бы это было так, – тихо шепнул один из египтян своему товарищу, – всех винных бочек Палестины не хватило б. Мы еще расскажем визирю про этого лгуна.

Но, так или иначе, на рассвете этого весеннего дня законные в железо воины двинулись на юг; над их шлемами развевалось большое знамя, и наконечники их копий холодно сверкали в сумеречном свете.

Их было немного; сила королевских крестоносцев заключалась в качестве, а не в количестве. В Египет отправились триста семьдесят пять рыцарей: знатные господа из Иерусалима, бароны, чьи замки обороняли восточные границы, рыцари святого Иоанна в белых накидках, мрачные тамплиеры, искатели приключений из-за моря, с красными от северного холодного солнца лицами.

Вместе с ними ехала группа туркопольцев – турок-христиан, крепких мужчин на выносливых лошадках. Следом за всадниками гроыхали повозки – в них и рядом с ними ехали слуги, оборванцы и проститутки, сопровождавшие любое войско.

Дюны Джифара вновь огласились топотом копыт и лязгом доспехов. Железные воины вновь ехали по старой военной дороге – дороге, по которой столь часто ездили их отцы.

Однако, когда наконец русло Нила нарушило однообразие равнины, извиваясь подобно змее с оперением из зеле-

ных пальм, они услышали громкий звон цимбал и накиров и увидели перья цапель на шлемах воинов среди ярко раскрашенных в цвета ислама шатров. Ширкух достиг Нила раньше них, вместе с семью тысячами всадников.

Подвижность всегда была преимуществом мусульман. Чтобы собрать громоздкое войско франков, требовалось время.

Скача словно одержимый, Горный Лев добрался до Нур-эд-дина, рассказал ему обо всем, а затем, не задерживаясь, вновь поскакал на юг, вместе с войсками, которые держал в состоянии полной готовности со времени первой египетской кампании. Одной мысли о том, что Амальрик в Египте, было достаточно, чтобы заставить Нур-эд-дина действовать. Если бы крестоносцы стали хозяевами Нила, это означало бы в итоге конец ислама.

Ширкух был неутомим, как и подобало кочевнику. Он гнал своих людей через пустыню Вади эль-Гизлан, пока даже выносливые сельджуки не начали шататься в седлах. Он кинулся прямо в пасть ревущей песчаной бури, сражаясь словно безумец за каждую милю, за каждое мгновение. Он пересек Нил возле Атфи, и теперь его всадники понемногу приходили в себя, пока эмир наблюдал за восточным горизонтом, где двигался лес копий – войско Амальрика.

Король Иерусалима не осмелился пересечь Нил, попав прямо в зубы врага – так же, как и Ширкух. Не разбивая лагеря, франки продолжали двигаться на север вдоль берега

реки. Рыцари ехали не спеша, высматривая место, где можно было бы перейти медленный поток.

Мусульмане свернули лагерь и двинулись дальше, в том же темпе, что и франки. Феллахи, выглядывавшие из своих глинобитных хижин, удивленно смотрели, как два войска, разделенные рекой, движутся в одном и том же направлении, не проявляя враждебности друг к другу.

Так они в конце концов подошли к башням Эль-Кахиры.

Франки разбили лагерь вблизи побережья Биркет эль-Хабаш, возле садов эль-Фустата, где среди океана пальм и цветов возвышались шестиэтажные дома с плоскими крышами. Ширкух остановился на другом берегу, в Гизе, в тени насмешливого колосса, воздвигнутого таинственными владыками, забытыми еще до рождения его предков.

События зашли в тупик. Ширкух, несмотря на порывистый характер, обладал терпением курда, столь же нерушимым, сколь и его родные горы. Его вполне устраивало ожидание на берегу широкой реки, отделявшей его от ужасных мечей европейцев.

Шавар встретил Амальрика во всем великолепии, под шумную музыку накиров, и обнаружил, что старый лев все так же осторожен и неукротим. Двести тысяч динаров и договор, скрепленный рукой калифа, – такова была цена, которую он запросил за Египет. И Шавар знал, что заплатить придется. Египет продолжал спать, как он спал уже тысячу лет, не ощущая тяжести гнета македонцев, римлян, арабов, ту-

рок или фатимидов. Феллахи, тяжко трудившиеся на полях, вряд ли знали, кому они платят налоги. Страны под названием Египет не существовало; это был миф, прикрытие для деспота. Египет и Шавар были единым целым; цена Египта равнялась цене головы Шавара.

Франкские посланники отправились во дворец калифа.

Личность Воплощения Божественного Разума всегда была окутана покровом тайны. Духовный вождь шиитской веры был непостижим и загадочен, и благоговейный страх перед его именем лишь возрастал по мере того, как его политическую власть узурпировали плетущие интриги визири. Ни один франк никогда не видел калифа Египта.

Для этой миссии выбрали Хьюго из Кесареи и Жофрея Фульше, мастера тамплиеров, – двух неотесанных воjak, столь же угрюмых, как и их собственные мечи. Их сопровождала группа всадников в доспехах.

Они проехали через цветущие сады эль-Фустата, мимо минарета Ситта Нефиса, где когда-то погиб от рук толпы Дирхам; по извилистым улицам, пересекавшим руины эль-Аскара и эль-Катаи; мимо мечети ибн-Тулунa и Слонового озера, по оживленным улицам Эль-Мансурии – квартала суданцев, где из домов доносились звуки странной туземной музыки и надменные чернокожие, разодетые в шелк и золото, словно дети, разглядывали угрюмых всадников.

У ворот Зувейлы всадники остановились. Мастер тамплиеров и лорд Кесарейский поехали дальше в сопровождении

лишь одного человека – Джайлса Хобсона. Толстый англичанин был одет в кожаные доспехи и кольчугу, а у бедра его висел меч, хотя огромное брюхо несколько портило его воинственный вид. Мало кто думал сейчас о незаконных королевских отпрысках или младших сыновьях баронов, однако Джайлс завоевал доверие Хьюго Кесарейского, которому понравились его рассказы и непристойные песни.

У ворот Зувейлы их встретил Шавар. Он повел их через базары и турецкий квартал, где люди с ястребиными лицами глядели на них и молча плевались. Впервые франки в полном вооружении ехали по улицам Эль-Кахиры.

У ворот Большого Восточного дворца посланники отдали свое оружие и последовали за визирем по сумрачным, увешанным коврами коридорам, где словно фигуры из черного дерева стояли немые суданцы с мечами в руках.

Посланники пересекли открытый двор, окруженный резными аркадами на мраморных колоннах, звеня по мозаичному покрытию обутыми в железо ногами. Фонтаны выбрасывали в воздух серебристые струи, разворачивали свое радужное оперение павлины, порхали на золотых нитях попугаи. В просторных залах сверкали драгоценные камни в глазах золотых и серебряных птиц. Наконец они вошли в большое помещение для приемов, с потолком из черного дерева и слоновой кости. Одетые в шелк и драгоценности придворные стояли на коленях лицом к широкому занавесу, расшитому золотом и жемчугом, сверкавшим на фоне темного бар-

хата словно звезды на полуночном небе.

Шавар трижды распростерся на покрытом коврами полу. Занавес отодвинулся, и удивленные франки устали на золотой трон, на котором, в одеждах из белого шелка, сидел аль-Адид, калиф Египта.

Они увидели стройного юношу, с темной, почти как у негра, кожей, с безвольно лежавшими на подлокотниках трона руками и затынутыми сонной пеленой глазами. Казалось, он был объят смертельной скукой, и слушал слова своего визиря, представлявшего гостей, как наизусть знакомый и часто повторявшийся рассказ.

Однако в глазах его мелькнуло нечто похожее на мысль, когда Шавар крайне мягко сообщил ему о желании франков, чтобы договор был скреплен его рукой. Аль-Адид поколебался, затем протянул руку в перчатке. Все затаили дыхание. Однако калиф улыбнулся, словно воспринимал происходящее как некую причуду варваров, и, сняв перчатку с руки, вложил свои тонкие пальцы в медвежью лапу крестоносца.

Джайлс Хобсон наблюдал за происходящим, благоразумно держась несколько позади. Взгляды всех были сосредоточены на группе возле золотого трона. Ушей Джайлса достиг тихий шепот, звучащий возле его плеча. Голос был женским, и англичанин быстро обернулся, забыв о визирях, королях и калифах. Тяжелый ковер слегка отодвинулся в сторону; из темноты его поманила тонкая белая рука. Он ощутил соблазнительный аромат духов, который невозмож-

но было ни с чем спутать.

Джайлс тихо повернулся и отодвинул ковер, напряженно взглядываясь в полумрак. За портьерой находилась ниша, из нее уходил вдаль извилистый коридор. Перед англичанином вырисовывались неясные очертания гибкой фигуры. Пара глаз смотрела прямо на него, от дьявольского запаха духов кружилась голова.

Он отпустил занавес. Из тронного зала доносились приглушенные голоса.

Женщина ничего не говорила. Ее маленькие ступни бесшумно ступали по покрытому толстым ковром полу. Она звала его за собой, продолжая отступать все дальше. Лишь когда, окончательно сбитый с толку, он разразился градом ругательств, она предостерегающе приложила палец к губам.

– Чтоб тебя черти взяли, девчонка! – выругался он, останавливаясь. – Дальше я не пойду. Что еще за игрушки? Зачем ты меня манишь, а потом убегаешь? Я возвращаюсь в зал, и пусть собаки откусят тебе...

– Подожди! – прозвучал ее мелодичный голос.

Она скользнула к нему, положив руки ему на плечи. Слабый луч, падавший из извилистого коридора позади нее, высвечивал стройные очертания ее фигуры под полупрозрачной одеждой. Ее кожа светилась, словно матовая слоновая кость в пурпурном сиянии.

– Я могла бы полюбить тебя, – шепнула она.

– Что же тебя удерживает? – неловко спросил Джайлс.

– Не здесь; идем со мной. – Она выскользнула из его рук и поплыла впереди, словно гибкий парящий призрак среди бархатных портьер.

Он последовал за ней, горя от нетерпения и не задумываясь о возможных последствиях, пока она не ступила в восьмиугольную комнату, столь же тускло освещенную, как и коридор. Когда он шагнул следом за ней, на проход позади него упал занавес. Он не обратил на это внимания. Его не интересовало, где он находится. Сейчас его волновала лишь стройная фигура, бесстыдно позировавшая перед ним, ничем не прикрытая. Она подняла обнаженные руки и сплела гибкие пальцы на затылке; длинные волосы словно черная блестящая пена падали на узкие плечи.

Он стоял, ошеломленный ее красотой. Она не была похожа ни на одну женщину из тех, что он встречал прежде; дело было не только в ее темных глазах, черных волосах, длинных, подкрашенных углем ресницах или стройных ногах цвета слоновой кости. Каждое ее движение, каждый взгляд, каждая поза возбуждали страстное желание. Это была женщина, владевшая искусством доставлять удовольствие, мечта, сводящая с ума каждого любовника. Английские, французские и венецианские женщины, которых приходилось знать Джайлсу, казались медлительными, флегматичными и холодными по сравнению с этим трепещущим воплощением чувственности. Одна из фавориток калифа! Осознав это, он ощутил, как кровь забилась у него в жилах. Из его груди вы-

рывалось тяжелое дыхание.

– Разве я не прекрасна? – Ее дыхание, смешанное с ароматом духов, коснулось его щеки. Мягкие пряди ее волос упали ему на лицо. Он попытался обнять ее, но она неожиданно легко увернулась. – Что ты можешь сделать для меня?

– Все что угодно! – пылко поклялся он, намного искреннее, чем клялся обычно другим.

Его рука сжала ее запястье, и он привлек ее к себе; другая рука обняла ее за пояс, и ощущение ее податливой плоти подействовало на него опьяняюще. Он потянулся губами к ее губам, но она ловко отстранилась, сопротивляясь с неожиданной силой. Казалось, гибкая танцовщица обладала силой пантеры. Однако, даже сопротивляясь, она не отвергала его.

– Нет, – рассмеялась она, и смех ее показался ему журчанием серебряных струй фонтана. – Сначала плата!

– Назови же ее, ради любви дьявола! – выдохнул он. – Я ведь не святой! Я не в силах перед тобой устоять!

Он отпустил ее запястье, нащупывая завязки у нее на плечах.

Внезапно она прекратила сопротивление. Закинув обе руки за его толстую шею, она посмотрела ему в глаза. Глубина ее глаз, темных и загадочных, казалось, поглотила его; он содрогнулся, охваченный волной чувства, которое было сродни страху.

– Ты занимаешь высокий пост в совете франков! – выдохнула она. – Мы знаем, что ты открылся перед Шаваром, при-

знавшись, что ты сын английского короля. Ты пришел вместе с посланниками Амальрика. Тебе известны его планы. Скажи мне то, что я хотела бы знать, и я твоя! Что намерен предпринять Амальрик?

– Он собирается построить мост из лодок и перейти Нил, чтобы ночью напасть на Ширкуха, – не колеблясь, ответил Джайлс.

Она тут же рассмеялась, издевательски и с неопишуемой злобой, потом ударила его по лицу, вырвалась из его объятий, отскочила назад и пронзительно закричала. В следующее мгновение из-за ковров на стенах выскочили обнаженные чернокожие гиганты.

Джайлс не стал терять времени, пытаясь нашарить меч на пустом поясе. Когда огромные длинные руки попытались схватить его, тяжелый кулак англичанина обрушился на чернокожего и тот упал со сломанной челюстью. Перепрыгнув через тело, Джайлс с неожиданным проворством метнулся через комнату. Однако, к своему ужасу, он увидел, что все стены завешены коврами. Он начал отчаянно шарить среди портьер. Затем мускулистая рука обхватила его сзади за горло и потащила назад.

Тут же в него вцепились другие руки. Отчаянно отбиваясь ногами, он попал одному из негров в живот, и тот рухнул на пол. Чей-то палец ткнул его в глаз, и Джайлс вонзил в него зубы, отчего укушенный дико завопил. Однако несколько пар рук сразу подняли англичанина, избивая и пиная но-

гами. Он услышал скрежещущий звук, и тут его швырнули куда-то вниз, в черную дыру, видимо открывшуюся в полу. С душераздирающим воплем он полетел вниз головой в глубокий колодец, внизу которого слышался шум воды.

Джайлс с чудовищным плеском ударился о воду и почувствовал, как его неудержимо тащит вперед. Колодец внизу был достаточно широким. Он упал возле одного из его краев, а его тащило к другому, где было достаточно светло, чтобы увидеть другую зияющую черную дыру. Страшная сила швырнула его к краю этой пропасти. Отчаянно цепляясь пальцами, он все же ухватился за скользкий камень и удержался. Взглянув наверх, он увидел высоко над собой, в тусклом свете, несколько голов, склонившихся над колодцем. Затем свет внезапно померк, крышка закрылась, и Джайлса окутала кромешная тьма, среди которой слышался лишь шум неумолимо увлекавшей его воды.

Джайлс понял, что в этот колодец сбрасывали врагов калифа. Он подумал о том, сколько тщеславных генералов, визирей-заговорщиков, мятежной знати и назойливых фаворитов из гарема нашли свой конец в этой черной дыре, чтобы вновь появиться при свете дня лишь в виде падали на волнах Нила. Было ясно, что колодец уходил в подземный поток, который впадал в реку, возможно в нескольких милях отсюда.

В промозглой тьме цепляясь за край дыры, Джайлс Хобсон был настолько объят страхом, что ему даже не пришло в голову призвать на помощь всевозможных святых, кото-

рых он обычно поносил. Он просто висел на краю отверстия неправильной формы, держась за что-то скользкое, трясясь от ужаса перед тем, что вот сейчас его может швырнуть в бездну черного, склизкого туннеля, и чувствуя, как немеют от напряжения руки и пальцы, медленно, но верно соскальзывая с опоры.

Из последних сил он издал дикий, отчаянный вопль, и – о чудо! – ему ответили. Колодец наполнился светом, тусклым и серым, но после абсолютной темноты Джайлсу показалось, что его ослепила яркая вспышка. Кто-то кричал – слова невозможно было разобрать сквозь шум льющейся воды. Он попытался крикнуть в ответ, но из горла вырывался лишь хрип. Затем, обезумев от внезапной мысли, что люк снова может закрыться, он издал нечеловеческий визг, который едва не разорвал ему глотку.

Страхнув воду с глаз и откинув назад голову, он увидел высоко наверху, в открытом люке, голову и плечи. В следующий миг оттуда сбросили веревку. Она раскачивалась у него перед глазами, но он боялся отпустить руку и сорваться. В отчаянии он вцепился в веревку зубами, а потом и руками, едва не свалившись в черную дыру. Онемевшие пальцы соскальзывали; от ужаса и беспомощности по лицу катились слезы. Однако челюсти Джайлса намертво сжимали спасительную веревку, и мускулы его шеи едва выдерживали дикое напряжение.

Те, кто находился наверху, начали изо всех сил тянуть его

наверх. Джайлс почувствовал, как тело вырывается из объятий потока. Когда его ноги повисли над водой, он увидел в полумраке то, за что цеплялся: человеческий череп, каким-то образом застрявший в щели среди скользких камней.

Он быстро поднимался наверх, раскачиваясь, словно маятник. Онемевшие руки крепко сжимали веревку, зубы, казалось, сейчас треснут и вылетят. Мускулы челюсти превратились в камень, и Джайлс перестал ощущать собственную шею.

Уже на пределе человеческих возможностей он увидел, как мимо него скользит крышка люка, и рухнул на пол возле ее края.

Он лежал, не в силах разжать зубы, стискивавшие веревку. Кто-то массировал его онемевшее лицо ловкими пальцами, и в конце концов челюсти расслабились, измученные десны начали кровоточить. К его губам поднесли кубок с вином. Он шумно глотнул, проливая вино на измазанную слизью кольчугу. Кубок попытались вырвать из его пальцев, видимо опасаясь, что он может подавиться, но он вцепился в него обеими руками и пил, пока на дне не осталось и капли. Лишь тогда он отпустил кубок и увидел над собой лицо Шавара. Позади визиря стояли несколько великанов-суданцев, ничем не отличавшихся от тех, что сбросили его в колодец.

– Мы хватились тебя в тронном зале, – сказал Шавар. – Сэр Хьюго обвинил было тебя в предательстве, но один из евнухов сказал, что видел, как ты пошел по коридору за де-

вушкой-рабыней. Тогда сэр Хьюго рассмеялся и решил, что ты взялся за свои старые штучки, а потом уехал вместе с сэром Жоффреем. Однако я знал, какому риску ты себя подвергаешь, забавляясь с женщиной во дворце калифа; поэтому я начал тебя искать, и раб сказал мне, что слышал дикий крик, доносившийся из этой комнаты. Я вошел туда в тот самый момент, когда какой-то чернокожий поправлял ковер над люком. Он бросился бежать, но умер, не успев сказать ни слова. – Визирь показал на распростертое на полу тело; шея была наполовину разрублена, и голова лежала у самого плеча, лицом вверх. – Как это могло случиться?

– Меня заманила сюда женщина, – ответил Джайлс, – и напустила на меня черномазых, угрожая сбросить в колодец, если я не расскажу о планах Амальрика.

– И что ты сказал ей? – Визирь посмотрел на Джайлса столь пристально, что тот содрогнулся и отодвинулся подальше от все еще открытого люка.

– Я ничего им не сказал! Кто я такой, в конце концов, чтобы знать планы короля? Потом они швырнули меня в эту проклятую дыру, хотя я сражался как лев и покалечил пару негодяев. Будь при мне мой верный меч...

По кивку Шавара люк закрыли и снова положили над ним ковер. Джайлс облегченно вздохнул. Рабы унесли тело.

Визирь коснулся руки Джайлса и пошел впереди него по скрытому портьерами коридору.

– Я пошлю с тобой эскорт в лагерь франков. В этом двор-

це есть шпионы Ширкуха и другие, которые не любят его, но ненавидят меня. Опиши мне эту женщину – евнух видел лишь ее руку.

Джайлс мысленно искал подходящие эпитеты, затем покачал головой:

– У нее были черные волосы, глаза как лунный свет, тело как алебастр.

– Под это описание подходят тысячи женщин калифа, – сказал визирь. – Впрочем, неважно; отправляйся, поскольку ночь близится к концу, и одному Аллаху известно, что принесет с собой утро.

* * *

Ночь и в самом деле близилась к концу, когда Джайлс Хобсон въехал в лагерь франков в окружении турецких мамелюков с обнаженными саблями. Однако в шатре Амальрика (осторожный монарх предпочитал свой шатер дворцу, предложенному ему Шаваром) горел свет; туда и направился Джайлс, уверенный в том, что его рассказ поможет ему завоевать расположение короля.

Амальрик и его бароны склонились над картой, слишком занятые разговором, чтобы заметить Джайлса и его заляпанную слезью, всю в пятнах одежду.

– Шавар даст нам людей и лодки, – говорил король. – Мы составим из лодок мост и ночью попытаемся...

Сдавленный всхлип сорвался с губ Джайлса, словно его ударили в живот.

– А, сэръ Джайлс Толстяк! – воскликнул Амальрик, поднимая голову. – Ты только сейчас вернулся после своих приключений в Каире? Тебе повезло, что твоя голова до сих пор на плечах. Э... что с тобой? Ты весь в поту и побледнел. Куда ты?

– Я принял рвотное, – пробормотал через плечо Джайлс. Оказавшись на улице, он, спотыкаясь, кинулся бежать. Привязанная лошадь вздрогнула и фыркнула. Он схватился за поводья, взялся за луку седла, затем, уже поставив одну ногу в стремя, остановился. Какое-то время он размышлял, затем, утерев капли холодного пота с лица, медленно, волоча ноги, вернулся к королевскому шатру.

Бесцеремонно войдя внутрь, он сразу же заговорил:

– Милорд, ты намереваешься перебросить мост из лодок через Нил?

– Да, именно так, – ответил Амальрик.

Джайлс издал громкий стон и опустился на скамью, уронив голову на руки.

– Я слишком молод, чтобы умирать! – горестно простонал он. – Однако придется все рассказать, хотя наградой мне будет меч в брюхо. Этой ночью шпионы Ширкуха поймали меня и заставили говорить. Я сказал им первую ложь, которая пришла мне в голову, – и, да сохранит меня святой Витольд, сам того не зная, я сказал правду. Я сказал... что ты намере-

ваешься построить мост из лодок!

Наступила тишина. Жоффрей Фульше в ярости швырнул на пол свой кубок.

– Смерть жирному ублюдку! – прорычал он, поднимаясь.

– Нет! – внезапно улыбнулся Амальрик, поглаживая золотистую бороду. – Теперь враг будет ожидать от нас моста. Вот и хорошо. Слушайте!

По мере того как он говорил, на лицах баронов стали появляться мрачные улыбки, а Джайлс Хобсон ухмыльнулся и выпятил живот, словно его промах оказался искусно замаскированным ловким тактическим ходом.

* * *

Всю ночь сарацинское войско было начеку. На противоположном берегу горели костры, отражаясь от округлых стен и блестящих крыш эль-Фустата. Звук труб смешивался с лязгом стали. Эмир Ширкух, разъезжая вдоль берега, у которого выстроились его закованные в броню ястребы, поглядывал на восточный небосклон, где начинала заниматься заря. Со стороны пустыни дул ветер.

Накануне на реке разыгралось сражение, и полную ночь били барабаны и угрожающе гудели трубы. Весь день египтяне и обнаженные суданцы тяжело трудились, наводя через темный поток переправу из соединенных друг с другом лодок, от края до края. Трижды они пытались пробиться к за-

падному берегу, под прикрытием лучников с барж, отступая перед тучами турецких стрел. Один раз конец моста из лодок почти коснулся берега, и всадники в шлемах направили своих коней в воду, нанося удары по бритым головам тех, кто трудился в воде. Ширкух ожидал атаки рыцарей с другой стороны узкого промежутка, но ее не последовало. Люди в лодках снова отступили, оставив своих мертвых, плававших в мутной вспененной воде.

Ширкух решил, что франки спрячутся за стенами, экономя силы к тому моменту, когда их союзники закончат мост. Противоположный берег был усеян обнаженными фигурами, и курд ожидал их очередной безнадежной попытки перейти реку.

Когда рассветные лучи осветили пустыню, Ширкух увидел вдруг мчавшегося как ветер всадника, с мечом в руке и в размотанном тюрбане; с бороды его стекала кровь.

– Горе исламу! – крикнул он. – Франки пересекли реку!

Паника охватила лагерь мусульман; воины поспешно покидали берег, бросая дикие взгляды на север. Лишь бычий рев Ширкуха удержал их от того, чтобы бросить свои мечи и кинуться прочь.

Эмир яростно выругался. Его перехитрили, обвели вокруг пальца. В то время как египтяне отвлекали его внимание своими бесполезными усилиями, Амальрик с рыцарями переместился на север, пересек дельту реки на кораблях и теперь быстро двигался на юг, полный желания отомстить.

У шпионов эмира не было ни времени, ни возможности до него добраться. Шавар об этом позаботился.

Горный Лев не посмел ждать атаки на открытом месте. Еще до того, как солнце достигло зенита, турецкое войско двинулось в путь. За ними солнечные лучи сверкали на накопечниках копий, блестевших в поднимавшемся облаке пыли.

Пыль раздражала Джайлса Хобсона, ехавшего позади Амальрика и его советников. Толстого англичанина мучила жажда; пыль покрывала серым слоем его доспехи; его кусали мухи, пот заливал глаза, и поднимавшееся солнце безжалостно раскаляло его шлем, так что он повесил его на луку седла и откинул назад капюшон, рискуя получить солнечный удар. По обе стороны от него скрипела кожа и лязгали доспехи. Джайлс представил себе кружку английского эля, и проклял того, чья ненависть заставила его отправиться в путешествие вокруг света.

Они преследовали Горного Льва вдоль долины Нила, пока не достигли эль-Бабана, Врат, и обнаружили готовое к бою сарацинское войско среди низких песчаных холмов.

Весть об этом разнеслась среди воинов; новый пыл охватил рыцарей. Скрип кожи и лязг стали, казалось, наполнились новым значением. Джайлс надел шлем и, приподнявшись на стременах, взглянул поверх покрытых железом плеч ехавших впереди всадников.

Слева простирались орошаемые поля, по краю которых двигалось войско. Справа была пустыня. Впереди возвыша-

лись холмы. На этих холмах и между ними развевались знамена турок, слышался звук их накиров. Основная часть их войска расположилась на равнине между франками и холмами.

Христиане остановились – триста семьдесят пять рыцарей и еще полдюжины, что проехали весь путь от Акры и добрались до войска лишь час назад, вместе со своими слугами. Позади них, двигаясь вместе с обозом, выстроились беспорядочными рядами их союзники: тысяча туркопольцев и около пяти тысяч египтян, яркие одежды которых затмевали их отвагу.

– Выступим вперед и уничтожим этих, на равнине, – предложил один из чужеземных рыцарей, новичок на Востоке.

Амальрик окинул взглядом войско и покачал головой. Он взглянул на знамена – они развевались среди копий на склонах холмов с каждого фланга, там, где слышался бой барабанов.

– В центре знамя Саладдина, – сказал он. – Войско Ширкуха – вон на том холме. Если бы центр намеревался оказать сопротивление, эмир был бы там. Нет, мессиры, думаю, они хотят заманить нас в ловушку. Будем ждать их атаки, под прикрытием луков туркопольцев. Пусть нападают первыми; они находятся на чужой территории и вынуждены торопить события.

В строю не слышали его слов. Он поднял руку, и, решив, что это означает сигнал к атаке, лес копий зашевелился и

опустился. Амальрик, поняв свою ошибку, поднялся на стремях, чтобы выкрикнуть приказ отступить, но, прежде чем он успел что-либо сказать, норовистый конь Джайлса толкнул коня рыцаря, который ехал рядом. Рыцарь – один из тех, кто присоединился к войску менее часа назад, – раздраженно повернулся. Джайлс увидел перед собой худое длинноносое лицо, пересеченное синегато-багровым шрамом.

– Ха! – Рыцарь инстинктивно схватился за меч.

Действия Джайлса тоже были инстинктивными. Все мысли улетучились у него из головы при виде этой жуткой физиономии, преследовавшей его в кошмарах более года. Завопив, он вонзил шпоры в брюхо лошади. Животное пронзительно заржало и прыгнуло, налетев на боевого коня Амальрика. Тот встал на дыбы и, закусив удила, помчался по равнине.

Ошеломленные крестоносцы, которым показалось, что их король в одиночку атакует сарацинское войско, с криками последовали за ним. Равнина сотрясалась от топота множества коней, и копыта закованных в железо всадников с треском ударились о щиты их врагов.

Нападение было столь стремительным, что почти смело захваченных врасплох мусульман. Они не ожидали, что атака последует столь быстро после появления христиан. Однако союзники рыцарей стояли в замешательстве. Не было никаких приказов, никаких распоряжений перед боем. Преждевременная атака дезорганизовала войско. Туркопольцы и

египтяне в неуверенности не двигались с места, выстроившись возле обоза.

Первые ряды сарацинского центра полностью полегли, и рыцари Иерусалима скакали прямо по их изуродованным телам, размахивая огромными мечами. На какое-то мгновение ряды турок застыли, затем начали отступать под руководством своего командира, стройного и смуглого, хорошо владеющего собой молодого офицера, Саладдина, племянника Ширкуха.

Христиане последовали за ними. Амальрик, проклиная свою неудачу, делал все возможное, чтобы с честью выйти из затруднительного положения. Его усилия увенчались успехом: вконец измотанные турки призвали на помощь Аллаха и повернули своих коней прочь.

* * *

Сарацины вновь отступили к холмам. Воздух потемнел от их стрел. Передовые силы наступающих рыцарей сильно пострадали, но закованные в латы воины продолжали угрюмо наступать, подставляя под град стрел головы в шлемах.

Затем со стороны флангов вновь послышался грохот барабанов. Всадники правого крыла, во главе с Ширкухом, пронесли по склону и ударили по толпе возле обоза, сметая не готовых к бою египтян. Левое крыло начало окружать рыцарей с фланга, гоня впереди них войска туркопольцев. Амаль-

рик, услышав барабанный бой позади и по обеим сторонам от себя, отдал приказ отступать, прежде чем их окончательно не окружили.

Джайлсу Хобсону все это казалось концом света. Его оглушили лязг мечей и крики; его окружал океан беснующейся стали и вздымающихся облаков пыли. Он вслепую парировал и наносил удары, вряд ли осознавая, разрубает его клинок чью-то плоть или воздух. Где-то впереди двигались всадники, что-то торжественно крича. Сквозь грохот сражения пробивался боевой клич Саладдина – "Яла-л-ислам!" – позднее прогремевший по всему миру. Сарацинский центр снова вступал в бой.

Внезапно давление ослабло, и равнина заполнилась бегущими людьми. Дикий вой прорезал лязг и грохот. Стрелы туркопольцев удерживали левое крыло сарацин лишь столько времени, сколько требовалось рыцарям, чтобы выскользнуть из сжимающихся тисков. Однако Амальрик, который отходил слишком медленно, оказался отрезанным вместе с горсткой рыцарей. Турки кружили вокруг него, торжественно визжа и размахивая саблями. В замешательстве ряды закованных в железо воинов отступили, ничего не зная о судьбе своего короля.

* * *

Джайлс Хобсон, ошеломленный, ехал по полю и столкнул-

ся лицом к лицу с Жискарром де Шатильоном.

– Собака! – прорычал рыцарь. – Мы обречены, но ты отпавишься в ад раньше меня!

Его меч взмыл в воздух, но Джайлс уклонился в седле и схватил его за руку. Глаза толстяка были налиты кровью. Меч его был окровавлен, шлем смят.

– Твоя ненависть и моя трусость стоили сегодня победы Амальрику, – облизнув покрытые пылью губы, прохрипел Джайлс. – Теперь он сражается за свою жизнь; искупим же грехи, насколько это возможно.

Ярость угасла в глазах де Шатильона. Он развернулся кругом, взглянул на увенчанные перьями головы, кружившиеся вокруг горстки железных шлемов, и кивнул своему недавнему врагу.

Они вместе вступили в схватку. Их мечи свистели в воздухе, врезаясь в доспехи и кость.

Амальрик лежал на земле, придавленный подыхающей лошадью. Вокруг него бушевало сражение, в котором его рыцари умирали под сокрушительными ударами турецких клинков.

Джайлс скорее свалился, чем соскочил с седла, схватил короля и оттащил его в сторону. Мускулы толстого англичанина сводило от напряжения, с губ его срывался стон. Воин-сельджук, наклонившись с лошади, попытался нанести удар по непокрытой голове Амальрика. Джайлс рванулся вперед, принимая удар на собственную макушку; его коле-

ни подогнулись, из глаз брызнули искры. Жискара де Шатильон поднялся на стременах, держа меч в обеих руках. Клинок рассек кольчугу, заскрежетав о кость. Сельджук упал с разрубленным позвоночником.

Джайлс напрягся, поднял короля и перекинул его через свое седло.

– Спасайте короля! – Он не узнал в этом хрипе своего собственного голоса.

Жоффрей Фульше пробился к ним, нанося смертельные удары врагам. Он схватил поводья коня Джайлса; полдюжины шатающихся, окровавленных рыцарей сомкнулись вокруг обезумевшей лошади и ее бесчувственной ноши. В отчаянии они расчищали себе дорогу мечами. Сельджуки кружили позади них, падая под сокрушительными ударами клинка Жискара де Шатильона. Вот на него налетела волна диких всадников и мелькающих в воздухе лезвий. Люди падали с седел, хлынула кровь.

Джайлс поднялся с залитой кровью земли. Вокруг отчаянно били копыта, сверкали клинки. Он побежал среди лошадей, нанося удары в их брюхи, бока и ноги. Удар меча сбил шлем с его головы. Клинок Джайлса сломался о ребра сельджука.

Лошадь Жискара жутко заржала и осела на землю. Ее мрачный наездник поднялся; кровь вытекала из всех щелей его доспехов. Широко расставив ноги на пропитанной кровью земле, он продолжал работать своим громадным мечом,

пока стальная волна не прокатилась над ним и его не скрыли из виду раскачивающиеся перья и встающие на дыбы кони.

* * *

Джайлс подбежал к украшенному пером цапли предводителю и схватил его за ногу. Удары осыпали его голову, погружая в огненную тьму, но он с тупым и мрачным упорством продолжал цепляться за ногу турка. Стачив противника с седла, он упал рядом с ним, сжимая его за горло. Потом удары копыт отбросили его в пыль. Он с трудом поднялся на ноги, отирая с лица кровь и пот. Вокруг него грудой лежали мертвые люди и мертвые лошади.

Он был почти оглушен, но все же различил в гудящей тишине знакомый голос. Подняв голову, он увидел Ширкуха, восседавшего на своем белом коне и смотревшего прямо на него. На бородатом лице Горного Льва сияла улыбка.

– Ты спас Амальрика, – сказал он, показывая на группу всадников в отдалении. Они догоняли отступающее войско; сарацины их не преследовали.

Рыцари отступали организованно – они потерпели поражение, но не были разбиты. Турки позволили им уйти невредимыми.

– Ты герой, Джайлс ибн малик, – добавил Ширкух.

Джайлс опустился на труп лошади и уронил голову на руки. Он был настолько потрясен, что едва не рыдал.

– Я не герой и не сын короля, – ответил он Ширкуху. – Убей меня, и покончим с этим.

– Кто собирается тебя убивать? – спросил Горный Лев. – Я только что завоевал в этом сражении империю и с радостью выпью кубок вина в знак этого события. Убить тебя! Ради Аллаха, я и волоса не трону на голове столь отважного бойца и замечательного пьяницы. Ты должен прийти и выпить со мной в честь завоеванного королевства, когда я торжественно въеду в Эль-Кахиру.